

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
СЕНТЯБРЬ 2016 г. • № 9 (239) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Приезжаю уже на двадцать первые яснополянские писательские встречи. Вижу знакомые лица Анатолия Кима, Виктора Лихоносова, Петра Краснова, Михаила Кураева, Игоря Волгина, Валентина Курбатова... наших заслуженных ветеранов пера, литературных аскакалов. Как всегда писательские встречи проходят во время празднования дня рождения великого Льва Толстого, с 8 по 12 сентября.

Много и новых молодых лиц, отбираются яснополянским активом лучшие из писателей нового поколения.

Вот и на площадке под Веймута-вой сосной уже главенствует молодое и среднее поколение русской литературы: Алексей Варламов, Павел Басинский, Алиса Ганиева, Сергей Шаргунов, Роман Сенчин.

Наконец познакомился здесь со своим петрозаводским земляком Дмитрием Новиковым, прекрасным прозаиком, опубликовавшим недавно новый свой северный роман "Голомяная пламя" и рассказавшим в Ясной Поляне о новой северной прозе.

Приехало немало и совсем молодых писателей, которых, увы, ещё не увидишь ни на каком съезде писателей, ориентирующемся в основном на старший пенсионный возраст.

И к тому же, многие из них приехали из самой глухой провинции. Из Сибири, Урала, Севера, Центральной России. Арсен Титов нам рассказывал, что нужно читать тунгусы и калмыки, Алиса Ганиева — о проблемах Северного Кавказа, уральский критик Сергей Беляков о евразийской теории Льва Гумилёва. С Беляковым, критиком либерального толка, мы уже не раз полемизировали в печати, на этот раз схлестнулись воочию, вблизи. И меня поразило какое-то неумённое стремление либералов искать в истории России самое отрицательное. После моего выступления на тему о противостоянии России и Запада в русской поэзии, он зачем-то кинулся оправдывать шведского короля Карла Двенадцатого, доказывая, что его наступление на Польшу вызвано тем, что русские, мол, первыми развязали русско-шведскую войну. Пусть бы шведского короля оправдывали сами шведы, там ему и памятник стоит, а уральским критикам зачем перечёркивать славную русскую победу на Полтавском поле? Так мы и Бородинское поле перечёркнём, и Александра Невского, а там и до маршала Жукова доберёмся? Тем более, по сути, критик Сергей Беляков спорил не со мной, а с Иосифом Бродским, воспевавшим и маршала Жукова, и Полтавскую битву.

Так что дискуссии шли бойкие и плодотворные. Современная русская литература успешно завоёвывает крепкие позиции на мировом литературном пространстве. Этому были посвящены и выступления других писателей. Много говорили о популярности Льва Толстого на Западе: Анатолий Ким рассказал о восприятии русского гения в Корее и Японии. Я показал только что вышедшую в Китае изданию из центральных издательств свою книгу о поэзии Иосифа Бродского. Вспоминали и о прозе Сергея Довлатова, тем более, недавно отмечали его 75-летие.

За эти более чем двадцать лет на Яснополянские встречи приезжали многие ведущие писатели России — от Андрея Битова до Валентина Распутина, от Чуба Амиреджиди до Даниила Гранина, от Дмитрия Галковского до Владимира Личутина; известные славяноведы — от Жоржа Нива до Рене Герра.

Встречи как всегда открывались на площадке перед домом Толстого, где слово о нём сказали Владимир Толстой, Сергей Шаргунов, Валентин Курбатов. Затем на три дня выступления и дискуссии перенесли в дом Волконских.

Международные писательские встречи в Ясной Поляне проходят ежегодно с 1996 года и собирают современных российских и иностранных писателей для обмена актуальными мнениями о творчестве Льва Николаевича Толстого и современной русской литературе. Выступление участников, как правило, издаются в сборнике "Международные яснополянские писательские встречи".

В этом году наши встречи наложился на кратковременный приезд в Ясную Поляну президента России Владимира Путина. Привезли с ним и целый класс школьников из Москвы, провели экскурсию, директор Яснополянского комплекса Екатерина Толстая успела рассказать президенту о многих насущных проблемах, связан-

ных с расширением заповедника. К вечеру 8 сентября он улетел обратно на вертолёт.

Члены жюри премии "Ясная Поляна" за эти дни умудрились ещё и обсудить все выдвинутые на премию книги и утвердить короткий список 2016 года. Премия "Ясная Поляна" сегодня стала одной из главных литературных премий, если не самой главной. За эти годы лауреатами по номинации "Современная классика" были признаны Валентин Распутин, Виктор Лихоносов, Анатолий Ким, Тимур Зулфикаров, Василий Белов, Леонид Бородин, Владимир Личутин, Фазиль Искандер, Михаил Кураев, Юрий Бондарев, Пётр Краснов, Борис Екимов, а из нового поколения — Захар Прилепин, Алексей Иванов, Василий Голованов, Антон Уткин, Андрей Дмитриев, Евгений Касимов и другие.

"Современным классиком" назовут, как водится, прямо в день вручения премии одного из авторов наиболее выдающегося произведения XX века, а премия в номинации "XXI век" даётся за произведения, написанные с начала нового века. Этот же принцип действует и в номинации "Детство. Отрочество. Юность" (за литературу о детях и подростках). После нынешних встреч жюри литературной премии "Ясная Поляна" объявило имена претендентов на общероссийскую награду в номинациях "XXI век" и "Детство. Отрочество. Юность".

В короткий список первой номинации вошли романы "Зимняя дорога" Леонида Юзефовича, "С неба упали три яблока" Наринэ Абгарян, "Потерял слепой дуду" Александра Григоренко, "Мягкая ткань. Книга первая: Батист. Книга вторая: Сукно" Бориса Минаева, "Поклонение волхов" Сухбата Афлатуни и "Гранатовый остров" Владимира Эйенера.

Финалистами детской премии стали "Дети ворона" Юлии Яковлевой, "Лесник и его нимфа" Марины Нефёдовой и эпистолярный роман Марины Москвиной и Юлии Говоровой "Ты, главное, пиши о любви".

Не скрываю, всё развитие "Ясной Поляны", от заповедника до премии, от писательских встреч до ведения сложного и огромного хозяйства, связано с деятельностью моего давнего доброго друга Владимира Ильича Толстого. Я знаю Владимира Толстого с 90-х годов — не только как публициста, издателя, журналиста, музейного работника, но и глубоко порядочного человека. Знаю, что именно он ещё в 1936 году основал и на протяжении 18 лет обеспечивал Международные Яснополянские писательские встречи, был и остаётся душой и руководителем этого крупнейшего литературного форума, который снискал уважение писателей России, славистов, переводчиков, учёных, литераторов из разных стран мира. Знаю Владимира Толстого как человека, который стоял у истоков одной из самых авторитетных литературных премий в стране "Ясная Поляна", отмечающей все заметные и яркие таланты нового времени. Знаю об издательских программах Толстого. О его инициативе учреждения Года литературы в России.

И теперь, в Ясную Поляну, мы ежегодно собираемся прежде всего к нему — праправнуку великого Льва Толстого. Живёт уже лет двести в знаменитом роде Толстых неистребима творческая энергия, талант и вдохновение. Кроме абсолютного гения Льва Николаевича, вспомним и Фёдора-американца, и первого Толстого — Алексея, и третьего Толстого, советского классика. Да и сейчас депутатом Госдумы стал Пётр Толстой, все знают телеведущую Фёклу Толстую... Я уж не говорю о самом Владимире Толстом. Удалось-таки ему создать в родовой вотчине, в Ясной Поляне, атмосферу творческого литературного содружества.

P.S. Заодно хочу извиниться перед Владимиром Толстым. В перевёрзничной газете вышло письмо писателя президенту России Владимиру Путину с резкой критикой Владимира Толстого. Ниже подписи Анатолия Кима, Льва Аннинского, Александра Проханова, Захара Прилепина и других самых известных писателей. Есть там якобы и моя подпись.

Никакого письма ни я, ни мои коллеги не подписывали. Разговор шёл о ненужной передаче всех писательских владений в собственность Росимущества, к которому советник президента по культуре Владимир Толстой не имеет никакого отношения. Не знаю, кому и зачем понадобилось сочинять, не согласовывая, такие тексты, переводя огонь критики только на Толстого, тем самым перечёркивая важность самой проблемы?

раздробленностью, местничеством и системой кормлений, за централизацию страны, далеко расширивший её пределы и своими крайне необходимыми реформами заложивший основы могущества уже не Руси, а России. Ему даже не нашлось места в величественном памятнике "Тысячелетие России" в Великом Новгороде...

И за свою страшно тяжёлую борьбу с врагами и внешними, и внутренними, своего рода се-

обрила немало сторонников — впрочем, сдаться, больше в теоретический или даже религиозно-показной части, связанной с канонизацией последнего императора. В славословиях и кампаниях ему недостатка не наблюдается, и это не столько настораживает (реального будущего за этим не видно), сколько изумляет: для славословящих значат ли хоть что-нибудь эти самые уроки истории?..

Лев Николаевич более чем достаточно сказал и написал о немалых недостатках, пороках и уродствах современного ему самодержавия — судя о нём, как первоинтеллигент, прежде всего с совестных, нравственных позиций. Но и социальные, правовые, экономические несправедливости и бесчестия возмущали его дух не меньше, ибо чем было освобождение 1861 года крестьян без земли, подчеркну, как не проявлением злостного, по-другому не скажешь, эгоизма дворянства, чиновничества и высшей знати? Что стало, кстати, причиной нового острого кризиса в отношениях народа и власти, стремительно разрастающегося уже при Александре Третьем, лучшим из всех, может, хозяине земли Русской. Череды массовых голодов в стране, якобы "кормившей Европу", перекинулась в XX век — семь их насчиталось в его начале, и дело дошло до того, что резко возросло число негодных к службе по физическим данным рекрутов-новобранцев (по данным генерала А.Д. Нечволодова)... Лев Николаевич, мотаясь по округе и всячески пытаясь помочь голодающим, видел ужасающую нищету и безысходность вместе с бесправием крестьянства, почитайте его дневники...

Всё это не могло не привести его к известному крайне отрицательному отношению к "гаранту" существующего положения — царю, причём к любому, и сцены в "Хаджи-Мурате" (не говоря уже о поздней публицистике) лишь доводят его суждения о сущности царизма, что стали, по

Яснополянские писательские встречи — 2016: Илья Кочергин, Сергей Шаргунов, Дмитрий Новиков, Владимир Бондаренко

Литературная премия "Ясная Поляна"

Да уж почитал, так почитал! Почти не верю освободению. Ведь одолеть за пару месяцев пять десятков книг это почти то же, что прожить эти месяцы не просто с населением большого чужого города, а самому побыть этим населением — "всем от царя до нищего слепца", "где, может быть, родились вы или блистали мой читатель...".

Хотя вряд ли мы там с вами так тесно сходились. Блистать-то, может, и блистали (кто сегодня — и чаще именно иронически — не блистает в интернет-комментариях хоть к самому неподсудному гению?). А "гулять" по охоте в такую

свободный, уверенный, что он всё сам, и когда ещё догадаться, а может и не догадаться, если писатель не поможет, что настоящая история рождается на изгибах и столкновениях Божьей и человеческой воли.

Оттого и словарь в романе чудно богат и можно было не знать, что автор ещё и поэт, сам бы словарь и подсказал. Как у Борхеса слово "роза" цветёт розой, и в слове "Нил" течёт вода Нила, так и тут слова возвращаются из безымянности, из неволи случайных употреблений к своим подлинным единственному смыслом, делаются "удобны", так что в предположении ничего "не жмёт" и "не хлябает".

Кажется, это самый интеллектуальный текст в нынешних

Прогулки с Пушкиным

Валентин КУРБАТОВ

даль не заманишь. Разве что судьба обременит тебя полномочиями члена жюри. Ну, тогда подпоясывайся и вперед! Жди, что неизбежно устанешь до неприязни к самому печатному слову, как бедный Онегин: "Читал, читал и всё без толку. Там скука, там обман иль бред, В том совете в том смысле нет...". Но за терпение и усидчивость нет-нет да будешь вознагражден невольным вырвавшимся восклицанием: "О, сколько нам открытий чудных готовит просвещение мир!". И, смотришь, опять готов идти потихоньку.

Александр Сергеевич не зря направляется в спутники. Он сейчас мой сосед — я пишу это в Михайловском. Дожди стеной — не разгуляешься, не соберёшься в Тригорское, где барышни тоже, поди, жмутся к Прасковье Александровне и кукусятся: "Что же это, маменька, когда же кончится этот дождь", как будто дождь во власти маменьки.

Вот Александр Сергеевич за неимением лучшего спутника и приворачивает ко мне, тем более думаю-то я о русских книгах, сошедшихся сегодня в соперничество за премию "Ясная Поляна". Я вот уж, кажется, десятый год в жюри-то, но и за это в вечности малое время "много переменялось в жизни для меня. И сам, покорный общему закону, переменялся я"...

Особенно эти перемены замечаешь, когда читаешь или сверстников, или тех, что помоложе, но вошёл на той же завкассе и оказался в заторе, который у Пушкина в "Онегине" звался "и надоела старина, и старым бредит новизна". Вот как: и "надоела", и "бредит", потому что уже в тягосте делается даровая свобода и старина уже кажется новостью в своей покойной устойчивости, в подальности ей тайне целостного видения мира, что особенно потребно душе посреди своеволия и затоптанной границы добра и зла.

Как раз на этом стыке и рождаются нынче самые дорогие сочинения, где "старые глаголы" полнятся долгой святой правдой, где границы любви определяются, по слову преподобного Андрея Критского "высотой неба, глубиной земли, длиною и широтою вселенной". Устали мы от преследования дня (взаимного преследования — день преследует нас, а мы — его), устали и от успешных попыток скоро и определённо переписать родную историю ("белым был — красным стал: кровь обограла; красным был — белым стал: смерть побелила" — Марина Цветаева).

И усталость сделала нас пристальнее. Даже на одном только опыте "Ясной Поляны" видно, как повзрослело и обогатилось слово в эти последние годы, как расцвятилась, раскрылась, увидев любящее к себе внимание, жизнь. И история в лучших книгах зашумела молодой листвою и стало понятно, что она никогда не может быть написана, как учебник, потому что каждый день минувшего нигде не делся, и ни одно явление, хоть самой глубокой древности и средневековья, не умерло, прорастая в нас, так что мы из наблюдателей истории делаемся её действующими лицами.

Новизна оттого и "бредит" старым, что ошеломлённо видишь небосвод там, где ещё вчера был потолок. Догадываюсь, что слово "бредит" кто-то из критиков непременно так напрямлю иронически и вернёт при чтении романа Сухбата Афлатуни "Поклонение волхов", потому что ни один закон прежнего "продольного" чтения тут не работает — через десяток страниц непременно надо обернуться: что у нас там было?

История-то только внешне объективна и вся делается человеком, а приглядишься с автором попристальнее и, окажется, что за скучным плетением причин и событий таится угаданный или нет Бог, хор диктующий небесную волю светил, волхвы, несущие опасные дары власти, слова и чудотворения. И звезда всё горит над яслями и свет её всё тревожит и строит русскую историю, ломает судьбы империи. И человек, обжигаясь перепаившим ему осколком этой негаснущей звезды, что-то меняет в себе и вокруг — подневольный и

соискателях, почти изнурительный для читателя, которому надо удерживать десятки рвущихся сюжетных нитей, отсылку к древним текстам, метафизическим намекам. Чтение громоздкое, мешающее сны с явью, вымысел с реальностью. Но неизбежное.

История должна была проститься с собой маскарадной улыбкой. Старым зрением такой ещё недавний XIX-й век уже не возьмёшь, потому что не только в нём, но и в самом тебе "порвалась дней связующая нить" и это тебе выпало, как Гамлету, обрывки их соединить.

Кажется, промелькнёт не раз в стилистике гоголевский нос, улыбнётся тень тыняновского "Поручика Киж" (куда теперь без них в русской прозе?). А в конце концов повеет ещё и домашним Даном Брауном, которого (помните?) мы с вами, высокомерно кривясь, жадно прочитали. А тут ещё и метафизика вполне русская, страдательная. Наша "чаша Грааля" оказалась горше

И я даже поневоле заглянул, что же означает имя Сухбат в псевдониме Евгения Абдуллаева. Оказалось — "беседа, дружба", но и "непоседа", и вечное движение. И роман — подлинно дружеская беседа в доверчивой открытости, не смущающейся "безумием" мысли, и подлинно всякая мысль у него — непоседа.

Опять как у Александра Сергеевича "Все промелькнуло перед нами, все побывало тут" — от Николая Павловича (Первого) до Николая Александровича (Второго). И везде немного ряженья и театра, словно все меняющиеся государи — немного герои "мышеловки" в "Гамлете", и все о самоубийстве династии, начавшемся до её рождения, когда волхвы ещё только выходили со своими дарами.

Слишком широкое историческое поле пригласило остроту личного неотступного вопроса: где "век вывихнул сустав", в какое мгновение приход волхов обернулся избиением младенцев — метафизическая красота задачи повредила живой боли, но "Поклонение" не зря кончается нашей революцией и гибелью Романовых. И книжка вроде особняком, но и в самой середине дня.

А основной "корпус" (выразимся соответственно времени — чай, речь о прозе XXI-го века — куда теперь без "корпусов и нарративов") был посвящён как раз генезису революции, от которой мы всё нигде не денемся. Потому что всё "дети страшных лет России" по Блоку, и дети времени, в котором, по слову другого поэта, "малышки иных веков, наверно, будут плакать ночью о времени большевиков". Так страшных или заведных?

Кажется, что и читателю эта тема нынче дороже любых других изысканий, где первенствует хотя бы и высокая литература — куда денешь боль и живое родословие, как ни "надоела старина" и как ни "бредит старым новизна". Не старится старость и всё — вон уж революцией-то сто лет, а мы всё никак её в плоскостерперфект не сошлём, всё нынешнее занозы из сердца вынимаем.

Откройте Бориса Минаева, его "Мягкую ткань" и сразу вспомните "Волхов" — пригласили из Киева в Петроград умного доктора доказать "генетическую деформацию", вырождение рода Романовых. Интеллигентно хотят решить вопрос господа революционеры, по-европейски, вроде и не рады революции, да что сделаешь, надо Россию спасать. Доктор и сам бы готов поверить, да душу-то живую куда денешь и с "одной стороны он не испытывал никакого сожаления, что всё это, наконец, кончилось, завершилось, оборвалось и полетело в пустоту, напротив, при виде этого омертвления огромного тела империи он испытывал что-то вроде восторга, какой-то радостной дрожи, а с другой стороны — он со всей очевидностью и непреклонностью факта обнаружил, что человек этот ни в чём не виноват.

(окончание на стр.3)

Мне показалось интересным проследить эту, условно говоря, "тенденцию", связанную с литературными и общественными деяниями троих наиболее известных Толстых — Алексея Константиновича, Льва Николаевича и Алексея Николаевича — с одной стороны и судьбой

Пётр КРАСНОВ

русского монархизма с другой.

Хорошо известно, с какой жестокостью утверждал себя абсолютизм в большинстве стран европейской, да и мировой парадигмы исторического развития. Русь-Россия здесь не исключение, и центральная в этом роль Иоанна Грозного до сих пор вызывает ожесточённые — уже в плане теоретическом — споры. Алексей Константинович тут твёрдо держался карамзинской версии — "вот самовласть кара!". — которая, в общем-то, была принята и С.М. Соловьёвым, и В.О. Ключевским и стала, по сути, некоей основой отношения всей русской либеральной интеллигенции к царизму вообще и, в конце концов, определила его, самодержавия, трагический финал.

Но забывают — кто намеренно, а кто и не придавая этому значения, — об одном: письменная история царствования Грозного три с лишним века писалась только идеино-политическими противниками царя-самодержца — боярами, вотчинниками, дворянами как образованным классом вообще, весьма эгоистично заинтересованным в своей если не "свободе от государства", то в ослаблении нелёгкого государственного тягла, обязательства, которые оно накладывает на владельцев целых, по-нынешнему говоря, регионов страны, не давая разгуляться там их всевластью, а то и самодержавию. Потому-то до сих пор не причислен к сонму отцов-основателей российской государственности Иван Четвёртый, на смерть боровшийся с феодальной

паратизмом того времени, угрожавшим распадом, на него "писателями истории" — вотчинниками и их потоками — столько "навешано собак", откровенной лжи, мстительных преувеличений и мифов, сколько удостоились за тысячелетие наше бытие разве что Сталин и Берия, здесь "историков"-потомков из партноменклатуры ты тоже с избытком хватает... Эта типичная в мировой истории "месть номенклатуры" может сладострастно приписать государственнику-врагу всё что угодно — от собственноручного убийства сына Грозным (никем не доказанного) до, скажем, простенькой такой ситуации: владелец известного скудного гардероба Джугашвили, ужиная на Ближней даче с соратниками и недовольный сервировкой стола, накручивает на палец угол скатерти и сбрасывает всё на пол — повелев, разумеется, всё сервировать по-новой... Или как Берия охотился "на баб-с" на бывшей (и нынешней) Тверской. Но это-то ещё рядом, опровергнуть не так трудно; а попробуй теперь разоблачи инсинуацию трёхсотлетней...

Но всё-таки разоблачают много, используя чисто научные методы и достоверные документы старины, отсеивая ложь. И что весьма показательно, народное предание противостоит "номенклатурному" и полностью "за" Грозного, понимая суровую необходимость его главных деяний. А не так ли, кстати, сейчас и с Верховными?

Но вернёмся к монархической идее как таковой, которая теперь, в последние четверть века,

Толстые и монархизм

(окончание на стр.3)